

УДК 323.3

<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-2-145-154>

«Новый веник лучше метет»¹. Результаты серии интервью махачкалинцев о возрастных стереотипах в политике

У. К. Мутаев^{✉1}

¹ Российский экономический университет им Г. В. Плеханова, Ивановский филиал,
153025, Россия, г. Иваново, ул. Дзержинского, д. 53

Сведения об авторе

Улубей Курбанбаганович Мутаев,
SPIN-код: 4912-6894,
ORCID: 0000-0002-6082-6512,
e-mail: ulmut@mail.ru

Для цитирования:

Мутаев, У. К. (2021) «Новый веник лучше метет». Результаты серии интервью махачкалинцев о возрастных стереотипах в политике. *Комплексные исследования детства*, т. 3, № 2, с. 145–154.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-2-145-154>

Получена 26 февраля 2021;
прошла рецензирование 5 марта 2021;
принята 19 апреля 2021.

Финансирование:

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31716 «Поколенческий разрыв» в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение».

Права: © Автор (2021).

Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье, основанной на данных серии интервью в трех российских регионах, анализируется влияние возрастных стереотипов на восприятие власти россиянами.

Исследование показало, что для махачкалинцев актуален вопрос старения власти, поэтому они склонны считать, что политикой должны заниматься в большей степени молодые и зрелые люди. Большинство информантов не выдвигает различных требований к возрасту политиков — мужчин и женщин.

Позиции дагестанцев относительно возраста руководителя и политика довольно схожи с позициями информантов из Иванова и Санкт-Петербурга. И те, и другие в большей степени склонны доверять зрелым политикам. Респонденты либеральных взглядов — и левые в меньшей степени — склонны доверять старшему поколению, их суждения на этот счет более категоричны.

Причины протестов большинством информантов трактуются однозначно. При этом четко выделяются мнения в поддержку протестующих, критика же протестов носит не политический, а скорее «нравственный» характер, что дает основание говорить о формирующейся однородности общественного мнения относительно внутренней политики государства. Среди причин низкой политической активности молодежи выделяются следующие: во-первых, молодежь изолирована от сферы политики в Дагестане, и она почти не сопротивляется этому. Во-вторых, низкая активность молодежи в выражении своей политической позиции связана с ее бедностью. Молодежь здесь больше озабочена решением материальных проблем, и времени на политику не остается.

В-третьих, отличительной особенностью Дагестана является то, что из этого региона идет значительный миграционный отток именно молодежи, причем наиболее талантливой и востребованной, а значит — политически активной, что также способствует обеднению политической жизни.

Специфичность Дагестана во многом определяется складывающейся в республике ситуацией межпоколенческого конфликта, связанного с возникшим на сегодняшний день глубоким ценностным разрывом между старшим и молодым поколениями дагестанцев. Совсем недавно катализатором подобного конфликта виделся исламский фундаментализм. Но сейчас основанием межпоколенческого конфликта в Дагестане выступает скорее доступ в Интернет и гаджеты, в освоении которых старшие и зрелые люди в республике заметно отстают от молодежи и подростков.

Ключевые слова: возрастные стереотипы в политике, протестная активность, поколенческий разрыв, политика, политический дискурс, Республика Дагестан.

¹ Даргинская поговорка.

A new broom sweeps clean: Interviews of the citizens of Makhachkala, Dagestan, on age stereotypes in politics

U. K. Mutaev✉¹

¹ Ivanovo branch of the Plekhanov Russian University of Economics, 53 Dzerzhinskogo Str., Ivanovo 153025, Russia

Author

Ulubey K. Mutaev,
SPIN: 4912-6894,
ORCID: 0000-0002-6082-6512,
e-mail: ulmut@mail.ru

For citation:

Mutaev, U. K. (2021) A new broom sweeps clean: Interviews of the citizens of Makhachkala, Dagestan, on age stereotypes in politics. *Comprehensive Child Studies*, vol. 3, no. 2, pp. 145–154. <https://www.doi.org/10.33910/2687-0223-2021-3-2-145-154>

Received 26 February 2021;
reviewed 5 March 2021;
accepted 19 April 2021.

Funding:

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Expert Institute for Social Research as part of the project “Generation Gap in Legitimacy and Deligitimation of Power in Modern Russia: Political Discourse and Public Opinion”, project No. 20-011-31716.

Copyright: © The Author (2021).
Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article is based on a series of interviews in three regions, of Russia. It analyses the influence of age stereotypes on the perception of power by Russians.

The positions of Dagestanis regarding the age of political leaders are quite similar to those interviewed in Ivanovo and Saint Petersburg. In general, both groups are more likely to trust a mature politician.

The majority of the informants are unanimous when it comes to the reasons for political protests. At the same time, opinions in support of the protesters differ, while criticism of the protests is not political but, rather, “moral” in nature.

There are several reasons for the low political activity of young people. First, young people in Dagestan are isolated from politics and they do not seem to mind it. Second, they are reluctant to express their political views because of poverty. Third, the most talented and politically active young people tend to leave Dagestan and move to other places.

The Republic of Dagestan is marred by an intergenerational conflict which is associated with a deep value gap between the older and younger generations of Dagestanis. Before, the conflict seemed to be fired up by Islamic fundamentalism. Today, however, the intergenerational conflict in Dagestan is driven by the Internet and gadgets, the areas where older and more mature people are obviously outstripped by the young.

Keywords: age stereotypes in politics, protest activity, generation gap, politics, political discourse, the Republic of Dagestan.

Постановка проблемы

Изучение возрастных стереотипов актуализируется обострением поколенческого разрыва, который можно наблюдать сегодня в сфере российской политики (см. об этом подробнее: Рябова, Рябов 2019).

На сегодняшний день неизвестно, насколько однозначно воспринимаются актуализированные в политическом поле возрастные стереотипы в разных регионах страны. Тем не менее мы можем говорить о том, что для современной России характерно использование концептов молодости, зрелости, старости как критериев оценки мотивов политического участия (Панкратова 2019). Особенно интересны в этом смысле национальные регионы, насколько предсказуема их реакция на существующий политический дискурс, как они реагируют на используемые в нем стереотипы; вполне ожидаемым

становится то, что социальные границы между различными поколениями будут усугубляться маркерами возраста (Рябова, Рябов 2020).

Методика исследования

Материалами для исследования служат данные интервью, осуществленного в рамках проекта «Поколенческий разрыв в легитимации и делегитимации власти в современной России: политический дискурс и общественное мнение» (Т. Б. Рябова, У. К. Мутаев, Е. В. Панкратова). Исследование проводилось в форме нестандартизированных интервью в городах, различающихся размером, уровнем политической активности, степенью поддержки власти и оппозиции, этнокультурными особенностями (N = 42, осень 2020 г., Санкт-Петербург, Махачкала, Иваново). Информанты дифференцировались по полу, возрасту («14–17 лет», «18–34 года»,

«35–54 года», «старше 55 лет») и политическим предпочтениям (сторонники действующей власти, сторонники левых сил/приверженцы коммунистической и социалистической идеологии, политически индифферентные граждане и сторонники либеральной идеологии (в том числе сторонники А. Навального).

Возрастные стереотипы махачкалинцев

Участники интервью в Махачкале немного настороженно относятся к молодым в политике и одновременно выражают озабоченность старением власти. В то же самое время наиболее эффективными политиками респонденты считают людей молодого и зрелого возраста, что созвучно ситуации в Санкт-Петербурге и в Иванове. Возможно, это подсознательная попытка уйти от тех ограничений, которые несут крайние позиции. В нашем случае это конструкты «молодости» и «старости», для которых могут быть характерны такие дихотомические, но качественно схожие оппозиции, как «незрелость» и «старческое слабоумие», или вообще одни и те же характеристики, например такие, как «инфантильность». Таким образом, возраст становится объектом политической манипуляции заинтересованных сил, при этом оппоненты по необходимости превращаются в «немогущих стариков» или «желторотых юнцов».

Зрелые, потому что они «золотая середина» (Нужат, 17 лет, Махачкала, сторонница власти).

Среднего возраста [политики] более эффективны, они будут старшим угождать и молодым угождать. У них есть, кому подсказать и у кого пример взять (Магомед, 45 лет, Махачкала, политически индифферентный).

Ну, потому что молодые могут что-то не успеть, не знать, старые уже устали, и здоровье у них плохое. А вот в таком расцвете сил, в 40–50 лет, он и сам весь такой бодрый и энергичный, и если у него есть запал такой, то он сможет добиться лучших результатов для народа (Тамара, 66 лет, Иваново, сторонница власти).

Такое созвучие мнений в центре и на периферии может быть обусловлено несколькими причинами:

- 1) Республика Дагестан и Ивановская область очень схожи в экономическом плане (Лучшие регионы для жизни... 2020), поэтому демонстрируемое отношение — результат похожих условий формирования позиций.

- 2) Сходство позиций петербуржцев с дагестанцами и ивановцами мы связываем с тем, что в целом население России демонстрирует единодушие в отношении сложившейся политической ситуации в стране, которое содержательно можно охарактеризовать как усталость от власти и желание перемен.

Ивановцы и петербуржцы дают более развернутые и содержательные ответы на этот вопрос, в отличие от махачкалинцев, у которых основной ответ на вопрос о соотношении возраста и пола политика «одинаковое (для мужчин и женщин)».

При этом единственная развернутая позиция об ограничении женщин к доступу к высшему посту, прозвучавшая в интервью семидесятилетнего религиозного Магомеда, созвучна с многочисленными реакциями женщин, главным образом в Иванове.

Нет, если человек умный, то он умный, если тупой, то тупой, от пола не зависит (Зелимхан, 46 лет, Махачкала, сторонник социалистической идеологии).

У меня очень странный на это взгляд. Я скорее придерживаюсь того, что правителем должен быть мужчина (Анастасия, 22 года, Иваново, политически индифферентная).

В Коране написано «не преуспеет тот народ, во главе которого стоит женщина». Женщина не может ничего делать в политике. Ректором может быть женщина, руководителем ЖКХ в городе может быть женщина, во главе образования, медицины можно женщину поставить, но не выше.

Что касается требований к возрасту, то они должны быть одинаковыми к мужчинам и к женщинам (Магомед, 71 год, Махачкала, сторонник исламских взглядов).

В то же самое время реакции информантов из Санкт-Петербурга более прогрессивны.

Я считаю, что женщина может раньше иметь ответственный пост, чем мужчина. Потому что она лучше... эмоциональна, она более активная. Она лучше воспринимает обстановку. Поэтому женщин я бы на ответственные посты ставила с сорока лет (Татьяна, 74 года, Санкт-Петербург, сторонница власти).

Я думаю, что одинаковые. Не знаю, единственное, что может давать даже какую-то поощровку. Если женщина в раннем возрасте, в восемнадцать-двадцать лет, завела семью и долгое время занималась ею (потому что обычно женщины в нашей стране вынуждены или считают нужным остаться в декрете полтора-три года, чтобы лучше воспитать

ребенка), то получается, что эти три, а может быть, и пять лет они заняты и не способны заниматься своим образованием, областью, которой интересуются, и, мне кажется, какие-то тут поблажки нужно дать (Иван, 32 года, Санкт-Петербург, сторонник власти).

Вообще немного бросается в глаза некая значимость гендерного дискурса в г. Санкт-Петербурге и в г. Иваново, а махачкалинцы реагировали на этот вопрос как на очевидный, не требующий каких-то пояснений.

Такие результаты, на наш взгляд, связаны с тем, что в Дагестане существует четкое отделение политического пространства от пространства повседневности. При этом пространство повседневности — это пространство обычаев, традиций, адатов, строго регламентирующих границы «мужского» и «женского», политическое пространство при этом находится в границах «мужского» (Мутаев 2013). Женщина, входя в это пространство, должна играть (и играет) по мужским правилам, именно так полагают и мужчины, и женщины, поэтому необходимость в определении границ отпадает и дискурс, связанный с этим, теряет свое значение.

В Санкт-Петербурге и в Иваново, которые ближе к «западному миру», к «центру цивилизации», гендерный дискурс постоянно актуализируется на разных уровнях, так как является важной составляющей либеральной политики, ее политическим ресурсом, средством политической мобилизации (о гендерном дискурсе как оружии политической борьбы см.: Рябова 2003).

Еще одним интересным аспектом проведенных интервью выступают высказанные респондентами, наряду с половозрастными, этнические и культурно-религиозные стереотипы. На вопрос «Как Вы думаете, в республиках Кавказа, где особое отношение к старикам, уважение и иерархия на основании возраста, там больше политиков из старшего поколения?» были получены интересные результаты. Надо сказать, что петербуржцы в большинстве своем дипломатично избегали отвечать на этот вопрос, подчеркивая, что не могут об этом рассуждать, так как ничего определенного о кавказских обычаях не знают. Сами дагестанцы часто признавали, что к старикам действительно особое отношение и что это сказывается на возрасте политиков в регионе.

Наверное, от воспитания и восприятия это зависит... Что-то могут простить из уважения к возрасту... Ну, может, в среднем лет

на пять старше дагестанские политики... (Джамия, 35 лет, Махачкала, сторонница власти).

У нас принято пожилым людям больше давать приоритет и проявлять больше уважения. В этом есть свои плюсы и минусы. Плюсы в том, что старикам больше доверяют, у них больше опыта. А минус в том, что пожилые не могут идти в ногу со временем, у них остаются стереотипы, что может помешать новому взгляду на жизнь, на управление и т. п. В этом смысле идеальным для политика будет зрелый возраст (Тимур, 41 год, Махачкала, сторонник социалистической идеологии).

Одинаково все. К политикам более терпимо относиться не получается в данный момент, это было раньше. Раньше, чем взрослее политик, тем уважительнее к нему отношение [в Дагестане], сейчас — нет. (Амин, 44 года, Махачкала, сторонник социалистической идеологии).

В Иваново же информанты рассуждали не только о самой традиции, но и об ее истоках и последствиях для республики, явно отграничивая «отсталый», традиционный Кавказ от современного, цивилизованного Иваново. Из ответов видно, что взгляд ивановцев несколько более стереотипизирован; особенно это демонстрируют мужчины, как ни странно, левых взглядов. Эти информанты, кроме очевидного непонимания, где находится Кавказ, Чечня, Саудовская Аравия, варваризируют население этих регионов, что, в свою очередь, выставляется как их национальная особенность. Такая позиция, вероятнее всего, проистекает из отсутствия реального опыта общения с представителями иноэтнических регионов, отсутствия опыта пребывания в этих регионах и, возможно, из присущего российскому обществу ориентализма (об ориентализме см. подробнее: Саид 2006).

Чечня, Кавказ — это, как мы понимаем, исламские государства, и там еще все-таки действуют старые средневековые, такие патриархальные пережитки, у них, конечно, человек старший достаточно уважаем. <...> Я думаю, учитывать, конечно, надо эту клановую особенность патриархальную, но я убежден, что человек должен быть свежим во власти. Кавказ, Саудовская Аравия — везде нужен свежий взгляд (Олег, 22 года, Иваново, сторонник социалистической идеологии).

Нужно понимать, что Восток и эти страны — это совершенно особая цивилизация, где все в основном строится на каком-то родовом праве, на каких-то традициях, поэтому для тех стран это нормально (Александр, 31 год, Иваново, сторонник социалистической идеологии).

Характеризуя ответы на этот вопрос в целом, можно отметить, что специфика Кавказского региона признается большинством респондентов как в Махачкале, так в Санкт-Петербурге и Иваново, но ее влияние на ситуацию оценивается как незначительное. Кроме того, можно сделать вывод, что проблема возрастных политиков в целом одинаково актуальна в обследуемых регионах.

Обобщая результаты по данному разделу, следует выделить следующие моменты:

- 1) И в Махачкале, и в Санкт-Петербурге, и в Иваново актуален вопрос старения власти, поэтому респонденты склонны считать, что политикой должны заниматься в большей степени молодые и зрелые люди.
- 2) Кроме нескольких респондентов с радикальными позициями, которые имели место у ивановцев, петербуржцев и махачкалинцев, большинство информантов считают, что значимых различий в возрасте относительно политиков — мужчин и женщин быть не должно.
- 3) В обследуемых регионах признается специфика Северного Кавказа в отношении уважения к старшим, при этом влияние этого фактора на политическую ситуацию в регионе и в России оценивается как незначительное.

Возраст и легитимность власти

В данном параграфе мы попытаемся раскрыть, насколько люди из разных регионов воспринимают возраст власти, как к нему относятся. В качестве гипотезы мы взяли предположение о том, что возраст руководителя в большей степени важен для махачкалинцев, нежели для петербуржцев и ивановцев. Это связано с тем, что в системе норм кавказского общества возраст играет значительную роль в формировании социального статуса, наряду с богатством, профессионализмом и властью. Как это характерно для тённисовского «гемайншафт» (Gemeinschaft), с возрастом увеличивается социальная значимость индивида, особенно мужчины, но без богатства, профессионализма или власти она проявляется лишь в уважительном обращении (Тённис 2002). В комбинации же с одним или несколькими перечисленными компонентами статуса возраст может значительно повысить социальный статус носителя.

Для петербуржцев и ивановцев, как для представителей другой части дихотомии Тённиса — «гезельшафт» (Gesellschaft), социальный статус

человека падает ближе к старости вместе с социальной активностью. Социальная значимость индивида напрямую связана с его социальным положением, должностью и местом работы. Это прагматичный подход, политика здесь не исключение.

Ну, вот огромного значения не имеет, но почему-то всегда кажется, что люди более зрелого возраста умнее и опытнее, по крайней мере, должны быть. И это больше доверия внушает (Анастасия, 22 года, Иваново, политически индифферентна).

Зрелым [политикам доверяю]. Но чем старше, тем лучше <...> т. е. лучше к концу зрелости, а старше не надо. Он уже сдает позиции (Иван, 17 лет, Иваново, сторонник власти).

Мне было бы без разницы — молодой, зрелый или старший это политик. Но я против самого старшего. Я считаю, что в возрасте после 65 уже немного другое качество (Ольга, 56 лет, Иваново, сторонник либеральных взглядов).

Позиции дагестанцев, ивановцев и петербуржцев относительно возраста руководителя и политика довольно схожи, и те, и другие в большей степени склонны доверять зрелым политикам. Респонденты либеральных взглядов и левые в меньшей степени склонны доверять старшему поколению, их суждения на этот счет более категоричны. Скорее всего, это связано с маркированием существующей власти как «старой» и желанием противопоставить ей созревшее поколение новых политиков.

Я считаю, что люди зрелого возраста добьются наиболее высоких результатов за счет опыта, который присущ старшим поколениям, старшим группам населения, но при этом за счет того, что они еще не стали [самым] старшим поколением, у них большая свобода взглядов и принятие инакомыслия и таких вещей, которых самое старшее поколение уже не примет ни в каком случае (Григорий, 17 лет, Санкт-Петербург, сторонник либеральных взглядов).

[Доверяю] человеку зрелого возраста. Это как бы усредненное: не совсем молодой, не совсем старый. Это логично (Кира, 17 лет, Санкт-Петербург, сторонница действующей власти).

Махачкалинские респонденты также демонстрируют доверие зрелому поколению, но наряду с этим проскальзывает готовность доверить власть молодым, причем эта позиция в большей степени характерна для дагестанцев. Возможно, это связано с тем, что в республике в течение десятилетий практически не обновляются элиты. В связи с этим напряжение в обществе за последние годы сильно возросло, и люди хотят кардинальных изменений.

Скорее молодой или зрелый, у старших чаще всего такие установки, которые мне не нравятся (Амина, 19 лет, Махачкала, сторонница либеральных взглядов).

Я в большей степени доверяю молодым или зрелым [политикам], а старшим — нет. Это распространяется и в целом на власть (Арслан, 48 лет, Махачкала, сторонник социалистической идеологии).

Я доверяю молодым [политикам], потому что они еще не испорчены, не знают, что такое взятка, не обросли имуществом (Магомед, 71 год, Махачкала, сторонник либеральных взглядов).

Махачкалинцы не стесняются показывать скептическое отношение к возрасту в политике. Здесь парадоксально присутствуют две противоположные позиции: одна утверждает о необходимости уважения к старшим, другая — то, что политик не просто «старший», а человек, чьи поступки оцениваются обществом, и в соответствии с этими поступками он может получить уважение или презрение людей. Параллельно существуют две системы оценивания — для обычных людей и для политиков: в первой — возраст добавляет авторитет, а во второй — не обязательно.

Возраст и протесты

В целом протестные настроения в среде молодежи находят понимание и объяснение у всех информантов в обследованных городах. Вместе с тем во всех городах есть люди, осуждающие участие молодежи и детей в протестах. Люди разных политических взглядов, кроме «либералов», обличали заказной характер протестов и зависимое участие в них детей и молодежи, на которых повлияли заинтересованные взрослые.

В контексте данного пункта важно отметить, что в современной политической практике активно используется прием «символической инфантилизации», сущность которого состоит в маркировке оппонента как ребенка, т. е. субъекта незрелого, не отвечающего за свои действия (Ryabova, Ryabov 2020).

Надо отметить, что «несменяемость власти» как причина протестов озвучивается чаще среди информантов из Махачкалы; ивановцы и петербуржцы в своих суждениях используют более осторожные формулировки, значение которых все же не вызывает сомнений.

Молодежь выступает против власти. <...> Уровнем жизни они [молодежь] не довольны (Амин, 44 года, Махачкала, сторонник социалистической идеологии).

Молодежь хочет где-то работать, на что-то жить, поэтому и выступает на митингах. Вообще, у нас люди за смену власти, они устали за столько лет (Амина, 19 лет, Махачкала, сторонница либеральных взглядов).

Молодежь хочет что-то изменить и не хочет жить в таких условиях. Изменить для себя, для своих будущих детей (Алена, 17 лет, Иваново, сторонница либеральных взглядов).

Какая-то часть молодежи... она политически незрелая, она просто хочет показать себя. Но есть, конечно, люди, которые недовольны несменяемостью власти, недовольны социальным положением, несправедливостью <...> главное [для них] — чтобы власть поменялась. Хотят перемен (Арслан, 49 лет, Махачкала, сторонник социалистической идеологии).

Ну, подросло какое-то новое поколение, условно говоря непуганое <...>, которое наблюдает какие-то протесты, везде — в Гонконге, Вашингтоне, повсюду... У них уже ощущение, что это в принципе не так страшно, что можно и нужно выходить на улицы, и это нормально (Василий, 42 года, Санкт-Петербург, сторонник социалистической идеологии).

Информанты указывают на юношеский максимализм и «стадное чувство», которые приводят молодежь на акции протеста, но лишь единицы видят в них основную причину ее участия в данных мероприятиях.

Мне кажется, подростки еще не понимают политику, поэтому их, скорее всего, убедили старшие из своих интересов, т. е. старшие манипулируют подростками (Тимур, 41 год, Махачкала, сторонник социалистической идеологии).

Для абсолютно молодых ребят это — тусовка, это желание бунта <...>, желание заявить себя, показать протест, побороться против каких-то устоев и правил, это желание потушить, у них нет сознательного в этом (Александр, 31 год, Иваново, сторонник социалистической идеологии).

Мне кажется, я думаю, это не совсем осознанный выбор. Неужели дети будут этим интересоваться? Я думаю, что нет, вряд ли. Подростки тоже. Это им точно будет все неинтересно. Особенно политика (Кристина, 25 лет, Иваново, сторонница власти).

В большинстве позиций в обследованных городах, как уже было отмечено выше, причины протестов трактуются однозначно. При этом четко выделяются мнения в поддержку протестующих, критика же протестов носит не политический, а скорее «нравственный» характер, что дает основание утверждать, что недовольство

властью охватило и круги сторонников власти. В этом смысле можно говорить о формирующейся однородности общественного мнения относительно внутренней политики государства.

В целом можно согласиться с предложенной Е. В. Панкратовой интерпретацией, что политическая активность молодежи воспринимается населением двояко: с одной стороны, качество «детскости» в негативном смысле зачастую приписывается всей молодежи, связывается с неразумностью, неопытностью, максимализмом, с другой — молодежный протест внушает населению надежду на возможные перемены к лучшему в силу таких атрибутируемых детству и молодости качеств, как открытость, искренность, отсутствие страха (Панкратова, Рябова 2019).

Отличительной чертой махачкалинцев выступает то, что сфера политики в Дагестане отделена от молодежи. Это мир «взрослых» людей, где ей нет места, при этом и сама молодежь в основной массе с этим согласна.

Мы уже отмечали схожесть экономического положения в изучаемых городах, кроме Санкт-Петербурга. Возможно, относительно низкая активность молодежи в выражении своей политической позиции связана с ее бедностью. Молодежь больше озабочена решением материальных проблем, и времени на политику не остается. Кроме того, из обследуемых регионов идет значительный миграционный отток именно молодежи, причем наиболее талантливой и востребованной, а значит — политически активной, что также способствует обеднению политической жизни.

Поколенческий разрыв

Информанты в обоих городах признают наличие поколенческого разрыва, который проявляется прежде всего в семье, семейных ценностях, в источниках получения информации, в различающемся подходе к техническим инновациям, гаджетам и т. п.

Специфичность Дагестана во многом определяется складывающейся в республике ситуацией межпоколенческого конфликта, связанного с возникшим на сегодняшний день глубоким ценностным разрывом между старшим и молодым поколениями дагестанцев. Еще несколько лет назад в качестве катализатора подобного конфликта виделся исламский фундаментализм, что справедливо отмечали некоторые исследователи (см. например, Стародубровская 2019). Одним из важных оснований межпоколенческого конфликта в Дагестане выступает доступ

в интернет и гаджеты, в освоении которых старшие и зрелые люди в республике заметно отстают от молодежи и подростков. Интернет через «Инстаграм» и «ТикТок» воспитывает молодых людей, пока их родители сидят в «Одноклассниках» и «Ватсапе».

Молодое поколение упрекает зрелое и старшее в том, что их ценности устарели, как и взгляд на мир. Мир сильно изменился, и старшие люди в большинстве своем вписаться в него не могут.

В данный момент информация, которая есть у стариков, в жизни не пригодится (Алхаз, 15 лет, Махачкала, политически индифферентная).

Старшие очень доверяют всему, что пишут, например в Ватсапе, даже не думают в этом разобраться. Верят ТВ, хотя ему верить нельзя. Молодые скорее будут проверять информацию и относятся к ней скептически (Амина, 19 лет, Махачкала, сторонник либеральных взглядов).

У нас использование социальных сетей не очень развито у старшего поколения. В Дагестане слишком много сел, это республика сельского типа, и старики живут в селах, а связь, интернет здесь технически слабо доступны в отличие от города (Нужат, 17 лет, Махачкала, сторонница власти).

В свою очередь, упреки старшего поколения также касаются ценностей. По их мнению, вечные ценности забыты, молодежь интересуется только деньгами и гаджетами. Гаджеты — особое «зло», которое препятствует общению, обмену опытом. Вообще старшее поколение чувствует, как проигрывает в конкурентной борьбе за формирование молодежи интернету, социальным сетям и видит в этом серьезную проблему.

Молодежи наплевать, где жить, здесь или во Франции, лишь бы хорошо жить, лишь бы деньги были, а старикам дорога их страна, село. Их культура [зарубежная] — она дурацкая, старики не хотят, чтобы она пришла, старики в этом деле лучше [разбираются], чем молодые (Магомед, 71 год, Махачкала, сторонник либеральных взглядов).

Старшее поколение не справляется, контроль над молодежью потерян, над молодежью один контроль — это интернет, а что говорят старики и родители, их не заботит (Зелимхан, 46 лет, Махачкала, сторонник социалистической идеологии).

Старшее поколение не справляется. Вся сфера интернета сильно продвинулась, старшие слабо это осваивают. Осваивает, может быть, 30% (Джамия, 35 лет, Махачкала, сторонница власти).

Безусловно, с одной стороны, конфликт отцов и детей — это вечный вопрос, сопровождающий человечество на протяжении всей истории. С другой стороны, вследствие появления интернета и социальных сетей с безграничными объемами информации и неоспоримым удобством ее извлечения опыт старшего поколения обесценился. Молодежь теперь хочет видеть в старших людях друзей, соратников, но никак не учителей и воспитателей (Исследование Сбербанка... 2017).

Заключение

Подводя итог, можно сформулировать следующие выводы:

1) В позициях представителей обследованных городов актуален вопрос старения власти, поэтому респонденты склонны считать, что политикой должны заниматься в большей степени молодые и зрелые люди. Наряду с несколькими радикальными позициями для большинства информантов характерно мнение, что различий в возрасте относительно политиков — мужчин и женщин быть не должно. Кроме того, во всех обследуемых регионах признается специфика Северного Кавказа в отношении уважения к старшим, при этом влияние этого фактора на политическую ситуацию в регионе и в России оценивается как незначительное.

2) Позиции дагестанцев, петербуржцев и ивановцев относительно возраста руководителя и политика довольно схожи. И ивановцы, и петербуржцы склонны доверять зрелым политикам. Респонденты либеральных взглядов и левые в меньшей степени склонны доверять старшему поколению, их суждения на этот счет более категоричны. Скорее всего, это связано с маркировкой существующей власти как «старой» и с желанием противопоставить ей со зрелее поколение новых политиков.

Махачкалинские респонденты также демонстрируют доверие зрелому поколению, но, наряду с этим, проскальзывает готовность доверить власть молодым, причем эта позиция в большей степени характерна для дагестанцев и связана с тем, что в республике десятилетиями практически не обновляются элиты. Этот факт усиливает социальное напряжение в обществе, люди хотят кардинальных изменений.

Махачкалинцы не стесняются показывать скептическое отношение к возрасту в политике. Здесь параллельно существуют две системы оценивания: для обычных людей и для политиков, в первой — возраст добавляет авторитет,

а во второй — не обязательно, все зависит от пользы, приносимой политиком обществу.

3) Причины протестов большинством информантов трактуются однозначно. При этом четко выделяются мнения в поддержку протестующих, критика же протестов носит не политический, а скорее «нравственный» характер; это дает основание говорить о формирующейся однородности общественного мнения относительно внутренней политики государства.

Среди причин низкой политической активности молодежи выделяются следующие: во-первых, молодежь изолирована от сферы политики в Дагестане, и она почти не соприкасается этому.

Во-вторых, низкая активность молодежи в выражении своей политической позиции связана с ее бедностью, и эта же причина характерна для Иванова. Молодежь здесь больше озабочена решением материальных проблем, времени на политику не остается.

В-третьих, из двух обследуемых регионов — Дагестана и Ивановской области — идет значительный миграционный отток молодежи, причем наиболее талантливой и востребованной, а значит — политически активной, что также способствует обеднению политической жизни.

4) Конфликт отцов и детей актуален по сей день, молодое поколение упрекает зрелое и старшее в том, что их ценности и взгляд на мир устарели. Молодые люди хотят видеть в старших друзей, соратников, компаньонов, но никак не учителей и воспитателей.

Специфичность Дагестана во многом определяется складывающейся в республике ситуацией межпоколенческого конфликта, связанного с возникшим на сегодняшний день глубоким ценностным разрывом между старшим и молодым поколениями дагестанцев. Совсем недавно катализатором подобного конфликта виделся исламский фундаментализм. Но сейчас основанием межпоколенческого конфликта в Дагестане выступает скорее доступ в интернет и гаджеты, в освоении которых старшие и зрелые люди в республике заметно отстают от молодежи и подростков.

Молодое поколение классически упрекает зрелое и старшее в том, что их ценности устарели, как и взгляд на мир. Мир сильно изменился, и старшие люди в большинстве своем вписаться в него не могут.

В свою очередь, зрелое и старшее поколения говорят, что, по их мнению, вечные ценности забыты, молодежь интересуется только деньгами

и гаджеты. Смартфоны, считает среднее и старшее поколения, препятствуют живому общению, обмену опытом, а интернет и социальные сети заменяют «взрослых» в процессе воспитания молодого поколения, что, по нашему мнению, является основной причиной ценностного разрыва между разными поколениями дагестанцев.

Источники

Лучшие регионы для жизни. Рейтинг РБК. (2020) *РБК*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/07/2020/5f159b3b9a79472f207e8324> (дата обращения 12.12.2020).

Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи. (2017) [Электронный ресурс]. URL: https://intalent.pro/files/158487_youth_presentation.pdf (дата обращения 16.12.2020).

Литература

Мутаев, У. К. (2013) Социальное пространство современной дагестанской женщины. *Женщина в российском обществе*, № 1 (66), с. 31–34.

Панкратова, Е. В. (2019) Взгляд россиян на политическое участие детей (по материалам социологического исследования). В кн.: С. В. Ровбель, С. А. Ильиных (ред.). *Социальные практики и управление: проблемное поле социологии: Материалы II Сибирского социологического форума с международным участием*. Новосибирск: Изд-во НГУЭУ, с. 96–101.

Панкратова, Е. В., Рябова, Т. Б. (2019) Представления о детстве как ресурсе мобилизации митинговой активности несовершеннолетних в современной России (на материале интервью). В кн.: Т. Б. Рябова, О. В. Рябов (ред.). *Символ детства в политике: от холодной войны к современности. Тезисы научной конференции*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 59–62.

Рябова, Т. Б. (2003) Гендерный дискурс как оружие политической борьбы. *Женщина в российском обществе*, № 1-2, с. 14–22.

Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2019) Образы детства и детей в символической политике. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, т. 15, № 3, с. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307>

Рябова, Т. Б., Рябов, О. В. (2020) «...Слышу речь не мальчика, но мужа»: о гендерно-возрастных стереотипах в политике. *Женщина в российском обществе*, № 4, с. 5–13. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.1>

Саид, Э. В. (2006) *Ориентализм. Западные концепции Востока*. СПб.: Русский мир, 640 с.

Стародубровская, И. В. (2019) Межпоколенческие отношения и социальные трансформации на примере Северного Кавказа. *Социология власти*, т. 31, № 1, с. 92–113. <https://www.doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-92-113>

Тённис, Ф. (2002) *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии*. СПб.: Владимир Даль, 452 с.

Ryabova, T., Ryabov, D. (2020) Infantilization of the Other: Metaphor of childhood in Russia's media discourse on international relations. *Australian Slavonic and East European Studies*, vol. 34, pp. 125–149.

Sources

Luchshie regiony dlya zhizni. Rejting RBK [The best regions to live in. RBC rating]. (2020) *РБК — RBC*. [Online]. Available at: <https://www.rbc.ru/society/21/07/2020/5f159b3b9a79472f207e8324> (accessed 12.12.2020). (In Russian)

Issledovanie Sberbanka: 30 faktov o sovremennoj molodezhi [Sberbank research: 30 facts about modern youth]. (2017) [Online]. Available at: https://intalent.pro/files/158487_youth_presentation.pdf (accessed 16.12.2020). (In Russian)

References

Mutaev, U. K. (2013) Sotsial'noe prostranstvo sovremennoj dagestanskoj zhenshchiny [Social space of the modern Dagestani woman]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russian Society*, no. 1 (66), pp. 31–34. (In Russian)

Pankratova, E. V. (2019) Vzglyad rossiyan na politicheskoe uchastie detej (po materialam sotsiologicheskogo issledovaniya) [Russians' view of the political participation of children (based on the materials of a sociological survey)]. In: S. V. Rovbel', S. A. Il'nykh (eds.). *Sotsial'nye praktiki i upravlenie: problemnoe pole sotsiologii: Materialy II Sibirskogo sotsiologicheskogo foruma s mezhdunarodnym uchastiem [Social practices and management: The problem field of sociology: Proceedings of II Siberian sociological forum with international participation]*. Novosibirsk: Novosibirsk State University of Economics and Management Publ., pp. 96–101. (In Russian)

- Pankratova, E. V., Ryabova, T. B. (2019) Predstavleniya o detstve kak resurse mobilizatsii mitingovoj aktivnosti nesovershennoletnikh v sovremennoj Rossii (na materiale interv'yuu) [Attitude to childhood as resource of mobilization of protest activity of underaged in contemporary Russia (on the base of interview)]. In: T. B. Ryabova, O. V. Ryabov (eds.). *Simvol detstva v politike: ot kholodnoj vojny k sovremennosti. Tezisy nauchnoj konferentsii [Childhood symbol in politics: From the Cold War to the present. Scientific conference abstracts]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 59–62. (In Russian)
- Riabova, T. B. (2003) Gendernyj diskurs kak oruzhie politicheskoy bor'by [Gender discourse as a weapon of political struggle]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russian Society*, no. 1-2, pp. 14–22. (In Russian)
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2019) Obrazy detstva i detej v simvolicheskoy politike [The images of childhood and children in the symbolic politics]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS — Political Expertise: POLITEKS*, vol. 15, no. 3, pp. 417–434. <https://www.doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.307> (In Russian)
- Riabova, T. B., Riabov, O. V. (2020) "...Slyshu rech' ne mal'chika, no muzha": o genderno-vozzrastnykh stereotipakh v politike ["Not a boy, but a man": On the gender-age stereotypes in politics]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve — Woman in Russian Society*, no. 4, pp. 5–13. <https://www.doi.org/10.21064/WinRS.2020.4.1> (In Russian)
- Said, E. V. (2006) *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism: Western conceptions of the Orient]*. Saint Petersburg: Russkij mir Publ., 640 p. (In Russian)
- Starodubrovskaya, I. V. (2019) Mezhpokolencheskie otnosheniya i sotsial'nye transformatsii na primere Severnogo Kavkaza [Intergenerational relations and social transformations: The case of North Caucasus]. *Sotsiologiya vlasti — Sociology of Power*, vol. 31, no. 1, pp. 92–113. <https://www.doi.org/10.22394/2074-0492-2019-1-92-113> (In Russian)
- Tönnies, F. (2002) *Obshchnost' i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoj sotsiologii [Community and society. Basic concepts of pure sociology]*. Saint Peterburg: Vladimir Dal' Publ., 452 p. (In Russian)
- Ryabova, T., Ryabov, D. (2020) Infantilization of the Other: Metaphor of childhood in Russia's media discourse on international relations. *Australian Slavonic and East European Studies*, vol. 34, pp. 125–149. (In English)